

ИРИНА ПРИВАЛОВА

ЗЕМНЫЕ БОГИ

История нарциссизма

A man with dark, curly hair is seen from the back, looking into a large, ornate, oval mirror. The mirror is cracked, with a prominent spiderweb crack pattern. The reflection in the mirror shows the same man, but with a golden halo around his head, giving him a divine or god-like appearance. The background is dark and textured.

Нарциссизм — это не любовь к себе.
*Это страх, что тебя нельзя
любить просто так.*

Ирина Привалова

Земные боги.

История нарциссизма

<https://litres.ru/74373868>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она умеет слушать других. Годами психолог помогает людям находить слова для того, чего сами не могут назвать, — пока однажды, разбирая архив закрытых дел, не находит рукопись, заставляющую иначе взглянуть на собственную работу.

В центре рукописи — бог, забывший свою мать. После этого забвения он строит стены, назначает стражей и создаёт мир, в котором всегда есть от чего защищаться. Сначала это кажется странной притчей. Но постепенно её образы совпадают с тем, что происходит с людьми на приёме: с человеком, превратившим жизнь в систему достижений, с женщиной, которая не может перестать проверять свою любовь, — и с самой психологом, которая слышит в чужих словах слишком похожее на собственную жизнь.

Кто написал эту рукопись? И что должно быть забыто, чтобы построить вокруг себя целый мир?

«Земные боги» — психологический роман о памяти, материнстве и о том, что иногда человек всю жизнь строит стены

не там, где ему что-то угрожает, а там, где когда-то осталось пустое место.

Содержание

Глава	5
Часть I. Забытая Мать	9
Глава 1. Полнота, которая не знала себя	9
Глава 2. Забвение Матери	17
Часть II. Бог без Матери	28
Глава 3. Ложный источник	28
Глава 4. Броня	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ирина Привалова

Земные боги.

История нарциссизма

Глава

Пролог

Уже вторую неделю она делала вид, что не замечает коробок у стены.

Архив закрытых дел давно требовал разбора: что-то нужно было уничтожить, что-то передать на хранение. Сначала действительно не хватало времени, потом — сил снова смотреть на пожелтевшие бирки, перечёркнутые фамилии и лица, которых она уже не помнила. Так коробки постепенно слились с интерьером кабинета, как высокий тёмно-зелёный фикус в углу, на который она давно перестала обращать внимание.

В тот день с самого утра шёл дождь. Стёкла запотели, по ним медленно стекали тонкие дорожки воды. Приглушённый свет делал кабинет ещё тише. До вечернего приёма оставалось несколько часов, и она наконец придвинула к себе первую коробку.

Кресло скрипнуло, колёсики тихо прошлись по линоле-

уму.

Сверху лежали обычные бумаги: бланки согласий, копии направлений, анкеты в прозрачных папках, старые распечатки, несколько конвертов, из которых давно исчезло содержимое. Она перебирала их почти автоматически, раскладывая документы в разные стопки. Иногда попадались знакомые фамилии, но лица уже не вспоминались. За годы практики их накопилось слишком много.

Память вообще хранила не имена. Она сохраняла отдельные интонации, взгляды, лёгкую дрожь рук, неловкие движения и те редкие моменты, когда человек наконец переставал защищаться. Всё остальное постепенно стиралось.

На самом дне лежала тонкая папка. Обложка покрылась пылью и чуть разошлась по краю. Мелким аккуратным почерком на синей бумаге было написано:

В. С. Крылова.

1951–2021.

Она задержала взгляд на дате смерти, пытаясь вспомнить лицо.

Ничего.

Только смутное ощущение, что эта женщина говорила очень тихо и всё время извинялась — за опоздания, за неудобные вопросы, за собственные слёзы. Возможно, так и было. А может, теперь память просто достраивала то, чего уже не существовало.

Внутри оказалось немного: несколько листов с заметками,

две анкеты, ксерокопии медицинских заключений. И ещё одна тонкая стопка, лежавшая отдельно. Она была совсем не похожа на остальные документы. Казалось, когда-то её собирались вложить в другую папку, но почему-то передумали.

Это были не записи приёмов. И не дневник.

Листы не были прошиты и не имели нумерации. Некоторые выглядели так, будто их печатали в разное время и на разных принтерах: где-то текст оставался чётким, где-то буквы расплывались, потому что копию снимали уже с копии. Один уголок был оборван. Нескольких страниц явно не хватало.

Нельзя было даже понять, с чего этот текст начинался.

Она машинально перелистнула несколько листов. Взгляд скользил по строкам, не задерживаясь на абзацах. Потом одна фраза заставила её остановиться:

«...Он не понял, что в ту минуту потерял не Её, а возможность помнить...»

Она нахмурилась и вернулась на страницу назад. Перечитала ещё раз.

Кто «он»?

И кого автор называл «Ею»?

Заголовок не было. Имени автора тоже. Только сплошной текст, обрывки которого начинались и заканчивались где-то за пределами этой стопки.

Она перевернула листы, надеясь найти первую страницу. Её не оказалось.

Вместо неё сверху лежал другой лист — с одной строкой, немного смещённой от центра. Судя по бумаге и чернилам, его добавили позже остальных.

Это история о Боге, который забыл свою Мать.

Она невольно улыбнулась. Не потому, что фраза показалась смешной. За двадцать с лишним лет практики она видела десятки попыток объяснить человеческую боль. Кто-то обращался к религии, кто-то искал ответы в эзотерике, кто-то создавал собственные мифологии, когда привычных слов уже не хватало. Обычно такие тексты были интересны только их автору.

Рука уже потянулась, чтобы отложить листы в сторону.

Но почему-то снова посмотрела на первую строку.

Потом перевела взгляд ниже.

И начала читать.

Часть I. Забытая Мать

Глава 1. Полнота, которая не знала себя

Труднее всего рассказывать о том, чему никогда не приходилось происходить.

Мы привыкли думать, что любая история начинается с события: сначала первый вдох, первый свет, первое движение — и только потом рассказ. Наш язык иначе почти не умеет.

Но есть истории, к которым этот способ неприменим. Тогда не было ни времени, чтобы сказать «до», ни пространства, чтобы сказать «вне», ни кого-то, кто мог бы сказать «она».

Мы называем это Полнотой.

Слово «Бог» сразу подставляет лицо. «Источник» звучит так, будто из него уже что-то течёт. «Абсолют» топит в себе всякую жизнь. Ни одно не годится.

Она просто была.

Воображение тут же пытается что-нибудь представить: сияние, океан света, тишину. Но всякий образ уже содержит наблюдателя — того, кто смотрит, и то, на что он смотрит, а между ними всегда есть расстояние. Расстояние — это уже

разделение.

Здесь его ещё не было.

Ближе всего к этому, наверное, то мгновение, когда просыпаешься в незнакомом доме и первые секунды не понимаешь, где находишься. Оно исчезает почти сразу: сознание торопится назвать мир и вспомнить себя. Но пока оно длится, там ещё никто не спрашивает:

— Кто я?

Этот вопрос однажды изменит всё. Но задать его пока никому: нет того, кто мог бы отделить себя от ответа.

Счастья здесь не было — как не было покоя, любви и света. Все эти слова родятся позже, когда станет возможным отличать одно от другого. А отличать было нечего.

И всё же перемену однажды можно было бы не столько увидеть, сколько почувствовать. Как чувствуется приближение весны, когда снег лежит так же глубоко, как неделю назад: воздух холодный, деревья неподвижны, небо вчерашнее. Никто не может сказать, в какой день она начинается.

Полнота достигла предела того, чем могла быть, не узнавая себя. Нехватка и одиночество — слова того, кто уже знает другого; другого не существовало, но сам предел существовал.

Точнее всего это назвать созреванием. Яблоко не становится менее верным дереву, когда в нём начинает наливаться сок. Так впервые обозначилось то, для чего позже появится слово «направление». Пока — в никуда: самого слова «к»

ещё не существовало.

И где-то внутри этой едва наметившейся возможности что-то — ещё не «кто-то» — уже смотрело. Не на предмет и не из точки, которую можно было бы обозначить. Просто смотрело, потому что смотреть оказалось первым действием, ставшим возможным тогда, когда всё остальное ещё оставалось невозможным.

*

Раздался звонок — резкий, неуместный.

Она вздрогнула и медленно отложила листы.

Комната показалась слишком реальной.

Поднявшись, она на секунду прислонилась лбом к прохладной двери, собираясь с мыслями, и только потом открыла.

— Проходите.

Мужчина вошёл, снял куртку и сел в знакомое кресло.

*

Различие не обязательно означает разделение. Это самое важное. Белый свет уже хранит в себе все цвета, хотя глаз ещё не разложил его на спектр. Различие не разрушает целое — оно делает целое узнаваемым.

Именно это стало возможным внутри Полноты: нечто стало различимым, ещё не став различённым. Между этими двумя состояниями лежит почти вся будущая история.

Взгляд, о котором шла речь, по-прежнему не находил опоры: всё вокруг оставалось тем же, чем было всегда. И всё же

сама попытка её найти впервые создавала то, чего раньше не существовало.

Границу.

Не в пространстве — пространства всё ещё не было. Граница возникла в самом акте различения, как тень, которую отбрасывает направленность взгляда. Всё, что оказалось не тем, на что он был направлен, стало другим — просто потому, что у мира появилась точка, из которой можно было сказать: это не то, на что я смотрю.

Так родилось не-я.

Оно не имело ни цвета, ни формы, ни имени. Только сам факт: теперь существовало нечто, не являющееся этой точкой зрения.

Но смотреть и не возвращаться к себе означало рано или поздно снова раствориться в Полноте, как круг на воде становится снова водой. Нужна была нить, за которую взгляд мог бы держаться, чтобы не потеряться в собственном смотре. Тогда это ещё не было именем — скорее способом находить дорогу обратно к себе.

И тогда мир, до сих пор неделимый, раскололся надвое. Не по привычным линиям добра и зла, света и тьмы. Разделение прошло между смотрящим и тем, на что смотрят, между тем, кто мог теперь вернуться к себе, и всем остальным, что этим «собой» не было.

Мир стал двойственным.

*

Когда она подняла голову, за окном уже темнело. Настольная лампа освещала только стол и её руки, а в глазах стоял туман от долгого чтения. Она машинально посмотрела на привычные часы на стене. Каждый день она сверялась с ними десятки раз, даже не замечая этого движения.

Половина пятого.

Она нахмурилась. Ещё недавно было начало третьего. Она несколько раз моргнула, надеясь, что цифры просто расплылись от усталости, но часы не изменились. Получалось, что два часа куда-то исчезли.

Она никогда не читала так долго чужие записи: обычно нескольких страниц хватало, чтобы понять, стоит ли продолжать. Она снова посмотрела на лежавшие перед ней листы. Старые копии, местами почти нечитаемые, без начала и конца. Ничего особенного.

Почему тогда она не отложила их раньше?

Мысль так и не оформилась. Она выровняла страницы, постучав их краем о стол, как делала всегда с бумагами, и убрала в папку. Через минуту она уже ставила чайник, открывала окно, проверяла расписание — всё как каждый день.

Но, закрывая окно, она вдруг задержалась у стекла.

По двору шли двое: мужчина под зонтом и девочка лет четырёх в жёлтом дождевике. Девочка отстала, разглядывая что-то на мокром асфальте, а потом, не оборачиваясь и не поднимая головы, протянула руку в сторону — просто в воз-

дух, туда, где, как она знала, будет чужая ладонь.

Ладонь оказалась там.

В этом движении была такая полная уверенность в другом человеке, что женщина у окна невольно задержала взгляд.

Она закрыла окно, но мысль о девочке не осталась с ней. Вместо неё рядом с сознанием появилось какое-то слово, которое никак не удавалось вспомнить. Не мысль, не образ — именно слово. Оно почти возникло, задержалось где-то на границе памяти и исчезло прежде, чем она успела его ухватить.

Ещё немного постояв, прислушиваясь скорее к себе, чем к тишине кабинета, она покачала головой.

— Устала, — сказала она вслух.

Это объяснение её вполне устроило.

*

Через несколько минут в дверь постучали.

Игорь сел на своё обычное место и машинально поправил рукав пиджака.

— Как прошла неделя? — спросила она.

— Нормально. — Он усмехнулся, будто сам не очень поверил своему ответу. — Много работы. Сделка одна... В общем, не буду грузить деталями, но три дня почти не спал.

— Совсем не спали?

— Часа по три. Может, четыре. Мне вообще не особо нужен сон. Организм привык.

Она не стала спорить и спросила:

— Что мешает уснуть, когда всё-таки ложитесь?

Игорь на секунду задумался.

— Голова не выключается. Прокручиваю варианты: что сказать завтра, как ответить, если он предложит другие условия. — Он снова усмехнулся. — Наверное, звучит как одержимость.

— А если бы вы просто перестали думать об этом на пару часов?

— Тогда я потеряю преимущество.

Она записала в блокнот не столько сами слова, сколько ту уверенность, с какой он их произнёс. В его ответе не было сомнения, будто возможность на несколько часов отпустить происходящее даже не рассматривалась.

Дальше он говорил про офис, про партнёра, который передумал по условиям, про менеджера, которого пришлось отчитать при всех. Голос звучал ровно и деловито; ни разу он не сбился и не замолчал посреди фразы.

— Знаете, я не жалуюсь, — сказал он в какой-то момент.

— Рассказываю, как есть. У меня всё нормально. Дело идёт.

— Тогда почему вы здесь? — спросила она.

Он посмотрел на неё так, будто вопрос застал его врасплох. Несколько секунд молчал, потом пожал плечами.

— Не знаю. Наверное, потому что три дня без сна — это многовато даже для меня.

Больше в тот день он ничего не добавил. Ни слова про семью, ни слова про детство, ни слова про мать. Она тоже не

стала спрашивать. Для таких вопросов ещё не пришло время.

Когда Игорь ушёл, она некоторое время сидела, глядя на закрывшуюся дверь, а потом открыла блокнот и записала отдельно от остальных заметок одно слово:

«Движение».

Она пока не знала, зачем его записала.

Глава 2. Забвение Матери

До сих пор всё возникающее принадлежало Полноте так же безусловно, как волна принадлежит морю: она может подняться над поверхностью, принять другую форму, на мгновение стать заметной для глаза, но не перестаёт быть водой. Ничто не сохраняло собственного существования и целиком возвращалось обратно, потому что не существовало ничего, чему нужно было бы оставаться.

Следов не было. Их никто не стирал — просто не было ничего, что могло бы их удержать.

Мы рождаемся в мире, где почти всё оставляет след: прикосновение меняет тело, слова остаются в памяти, одна встреча способна определить всю последующую жизнь. Состояние, в котором не остаётся ничего, нам почти невозможно вообразить.

И именно это впервые изменилось.

То, что прежде растворялось без остатка, на этот раз не растворилось до конца. Ничто не обрело формы и не получило имени. Появилась только возможность остаться на мгновение дольше самого события.

Никто ещё не мог сказать: «Это было».

Но мир уже переставал быть местом, где ничто не могло стать бывшим.

Долгое время я думала, что именно здесь рождается со-

знание. Позже поняла, что сознание возникнет гораздо позже. Сначала появляется нечто более простое и одновременно более загадочное: происходящее впервые начинает едва заметно склоняться к одному возможному центру. Его ещё нельзя назвать ни существом, ни отдельным началом — оно по-прежнему принадлежит Полноте. Но уже нельзя сказать, что оно растворяется в ней целиком.

А то, что перестаёт исчезать бесследно, уже не может оставаться безопасным.

Пока всё растворялось, не-я было лишь фоном и ничем не угрожало: оно не существовало отдельно и не могло ничего потерять. Теперь, когда хотя бы что-то получило возможность удержаться, не-я впервые стало тем, до чего можно было не дотянуться.

Не предметом и не врагом — терять пока было нечего. Речь шла о вещи более древней: о том, что связь, существовавшая безусловно, однажды может перестать существовать.

Впервые стало возможно не только «есть», но и «могло бы не быть». Отсюда вырастет многое из того, что человек назовёт страхом, тревогой и тоской.

Пока же это было лишь едва заметное изменение в направлении взгляда. До сих пор он свободно обращался наружу, не встречая сопротивления. Теперь он вдруг качнулся — будто в невольной попытке отвернуться. Ничего не произошло. И всё же что-то внутри него сжалось, как сжимается рука, которая ещё не решила, отпустить или удержать.

Настя пришла на консультацию впервые в четверг, в самом конце рабочего дня, когда за окном уже сгустился сумрак. Она села, положила сумку на колени и так и не сняла её оттуда, всё ещё не решив, останется здесь надолго или нет.

— Расскажите, что привело вас сюда, — сказала психолог.

Настя помолчала, разглядывая свои руки.

— Наверное, это прозвучит странно. — Она чуть улыбнулась одними губами. — У меня всё хорошо. Работа хорошая. Отношения... обычные. Друзья есть. — Она пожала плечами. — И в какой-то момент я поняла, что уже очень давно ничего не чувствую.

— Совсем ничего?

— Ну, не совсем. — Настя нахмурилась, подбирая слова. — Просто я знаю, что должна что-то чувствовать в определённый момент, и... как будто чувствую. Но это похоже на фильм про мою собственную жизнь. За секунду до нужной сцены вспоминаешь: «Ах да, здесь надо порадоваться». И радуешься. Только не по-настоящему.

Психолог кивнула, не комментируя.

— Когда вы это заметили?

— Точно не помню. Кажется, давно. Просто раньше не обращала внимания. — Настя посмотрела в окно. — В марте у меня был отпуск. Море, закаты, всё как положено. Я стояла там и смотрела на закат, знала, что это красиво, — и ничего. Вообще ничего. Как будто читала описание заката в путеше-

дителе.

— А что вы почувствовали от того, что не почувствовали?
Настя подняла взгляд и посмотрела прямо на неё.

— Испугалась, — сказала она тихо. — Только это и почувствовала по-настоящему. Испугалась.

Она произнесла это и тут же поправила ремешок сумки, будто извинилась за слишком сильное слово.

Дальше она говорила о работе — успешной и стабильной, об отношениях — ровных и необременительных, о друзьях, с которыми легко и весело. Всё было на своих местах. Ни одной явной проблемы, за которую можно было бы зацепиться.

Ни слова о родителях. Ни слова о детстве.

Психолог по большей части молчала. Только один раз спросила:

— А кто-нибудь замечал в вас эту перемену? Со стороны?
Настя задумалась.

— Мама, наверное, сказала бы, что я всегда была немного отстранённой. — Она усмехнулась, коротко и невесело. — Но она это говорит с гордостью. Как комплимент.

Больше к этой теме в тот день не возвращались.

Но слова «как комплимент» почему-то зацепились. Отстранённость как достоинство. Спокойствие как то, чем можно гордиться, даже если за ним уже давно ничего не чувствуешь.

У двери Настя обернулась.

— А это надолго?

— Что именно?

— Всё это. — Она неопределённо повела рукой, будто показывая разом на кресло, на кабинет и на себя. — Сколько обычно ходят?

— По-разному.

Настя кивнула, словно ответ её вполне устроил, и вышла.

Психолог потянулась к блокноту, но остановилась. Она ещё немного посидела, глядя на свои руки, и только потом убрала блокнот обратно.

Записывать было ещё рано.

*

Вечером дома она пыталась читать книгу, но буквы расплывались перед глазами. Мысли снова и снова возвращались к стопке ксерокопий, лежавшей на столе. В конце концов она отложила книгу и взяла листы. Руки потянулись к ним почти против её воли.

Она открыла сразу с того места, где остановилась.

Где-то в середине страницы речь шла о взгляде, который сжался и не решился ни на что. Она остановилась.

Дело было не в знакомой фразе и даже не в конкретных словах Игоря. На секунду ей показалось, что она уже слышала это раньше. Не читала — слышала. В том же тоне, каким он сказал:

— Мне вообще не особо нужен сон.

Она отложила листы и несколько секунд смотрела на них, прежде чем снова взять.

Совпадение.

Игорь говорил о сне. Здесь речь шла о взгляде. Это были совершенно разные вещи.

Мысль показалась убедительной, и она снова начала читать.

*

Приближалось нечто, для чего пока не существовало имени: ещё не разделение, не любовь, не страх и даже не Бог — только первая возможность произнести слово, которое станет самым коротким из будущих слов и одновременно одним из самых опасных.

Я.

Взгляд уже умел возвращаться к себе, а движение, которое впервые позволило ему отвернуться, всё ещё существовало лишь как возможность. Больше ничего и не требовалось. Иногда самые большие изменения происходят вовсе без усилия — просто потому, что однажды возможность перестаёт быть невозможной.

Так взгляд и отвернулся.

Не потому, что Мать исчезла.

Мать никуда не делась. Она была рядом и оставалась частью той же Полноты, что и прежде. Если бы тогда существовал кто-нибудь, способный спросить, нужна ли она, ответ был бы честным: да. Где-то внутри знали, что связь существует.

Но этому знанию перестали позволять что-либо значить.

Именно здесь произошло то, что позднее назовут забвением, хотя слово это неточно. Забыть — значит потерять. А здесь ничего не было потеряно: никто не исчез, связь не оборвалась, нужда не прошла. Утвердилось другое — что собственная нужда больше не имеет значения.

Не «Матери нет».

Гораздо глубже и страшнее: «Мне не нужна Мать».

Это относилось не к ней, а к себе. И не могло быть произнесено один раз, чтобы на этом всё закончилось. Тихое знание о связи никуда не делось, поэтому ему снова и снова приходилось отказывать в праве на существование. Каждый раз, когда оно возвращалось, его нужно было не услышать.

Поэтому на месте признанной нужды не возникла пустота. Пустота всё-таки предполагает пространство, которое можно однажды заполнить. Здесь осталось нечто более плотное — ровная поверхность отказа.

Ясно было одно: теперь придётся справляться самому, а оглядываться назад уже нельзя. Признать связь означало признать и собственную нужду, а вместе с ней зависимость, уязвимость и возможность однажды потерять то, без чего прежде было невозможно существовать.

Здесь было посеяно семя всего, что случится дальше.

Вместе с ним родилось время: прежде было лишь медленное созревание одной возможности за другой, без настоящего «раньше» и «позже», — теперь появилась последовательность. А вместе со временем — новое пространство: не рас-

стояния, а сравнения. Впервые стало возможным не только «есть», но и «больше» или «меньше». А там, где появляется сравнение, неизбежно появляется недостаток.

Так завершалась первая часть. Не поражением. Не победой. Почти незаметным изменением, после которого прежний мир уже не мог остаться прежним.

*

Она читала весь вечер и не заметила, когда за окном окончательно стемнело. Несколько раз она ловила себя на том, что перечитывает одну и ту же страницу, — не от непонимания, просто ей трудно было заставить себя перевернуть её.

Кот дважды устраивался на подлокотнике кресла. Во второй раз она машинально провела рукой по его шерсти, продолжая читать.

Когда листы внезапно закончились, она ещё некоторое время смотрела на последнюю страницу, словно ждала, что продолжение появится само. Но дальше был только чистый край бумаги.

Она сложила листы, выровняла их по краю стола и только тогда заметила, что держит дыхание.

— Странно, — сказала она вслух.

Слово прозвучало в пустой комнате немного глупо, но другого у неё не было.

Она убрала бумаги в папку, а папку положила в сумку. Завтра она возьмёт её с собой на работу. Зачем — объяснить себе она пока не могла.

*

Игорь пришёл на следующий день вовремя, как обычно. Первые двадцать минут он говорил о работе: о новом проекте, о партнёре, отказавшемся от условий сделки, о расчётах, которые снова придётся переделывать. Потом, почти между прочим, сказал:

— Я давно привык рассчитывать только на себя.

Она подняла глаза от блокнота.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Так проще.

Ответ прозвучал настолько спокойно, будто речь шла о давно установленном факте, не требующем объяснений.

— А если всё-таки нужна помощь?

Игорь усмехнулся.

— Тогда лучше обойтись без неё. Просить помощи — не мой путь.

Она ничего не ответила. Только кивнула, предлагая ему продолжать, но внутри что-то на мгновение сбилось, словно знакомая мысль вдруг оказалась не там, где её ожидали.

Это она уже читала.

Не эти слова и не в такой последовательности. Но саму мысль — вчера вечером, в старых листах, написанных человеком, которого уже давно не было в живых.

Игорь замолчал, посмотрел куда-то мимо неё и неожиданно усмехнулся.

— Странно. Сейчас почему-то вспомнил детство.

— Что именно?

— Соревнования. Районные. Я тогда бегал. Двести метров.

— Вы занимались бегом?

— Да нет, не особо. Просто участвовал. — Он снова посмотрел на часы. — Прибежал первым.

Он сказал это так, будто сам не понимал, зачем вспомнил.

Некоторое время она молчала.

— А что вы тогда почувствовали?

Игорь нахмурился.

— Не знаю. Ничего особенного.

И тут же перевёл разговор на другую тему.

После его ухода она достала блокнот и написала:

«Классическая грандиозная защита. Кохут бы сказал...»

Перо остановилось.

Она посмотрела на фразу, потом перечеркнула её. Не потому, что диагноз был неверным. Наоборот, она слишком хорошо знала эту защиту, чтобы сомневаться в ней. Просто сейчас она впервые почувствовала, что привычное объяснение не охватывает происходящего целиком.

Она закрыла блокнот и некоторое время сидела неподвижно.

Мысль была слишком смутной, чтобы сформулировать её словами: несколько старых листов не могли знать об Игоре ничего — ни его истории, ни его привычек, ни его фраз. И

всё же сегодня он почти дословно продолжил то, что она читала вчера вечером.

Она посмотрела на папку в сумке.

Вопроса пока не возникло.

Только ощущение, что случайность, которой она сначала объясняла всё происходящее, начинает требовать слишком многих совпадений.

Часть II. Бог без Матери

Глава 3. Ложный источник

Пустота, оставленная забвением, не остаётся пустой. Рано или поздно человек находит ей объяснение, а ещё чаще — занятие, которое позволяет не замечать самого вопроса. В детстве это происходит почти незаметно. Ребёнок не может сказать: «Мне чего-то не хватает» или «Я пытаюсь получить то, чего не получил раньше». Он просто замечает, что после одних действий внутри становится легче, а после других — нет, и постепенно запоминает дорогу к этому облегчению.

Той осенью тепло держалось дольше обычного. По утрам трава покрывалась холодной росой, но к полудню школьный стадион снова прогревался, и от резинового покрытия поднимался знакомый запах, смешиваясь с запахом сухих листьев и железа. После уроков сюда приходили дети: кто-то гонял мяч, кто-то сидел на трибунах, щёлкая семечки, младшие носились между дорожками. Тренеры делали вид, что следят за порядком, хотя давно знали, что дети всё равно будут делать то, что им хочется.

Мальчик обычно приходил раньше остальных. Минут за двадцать до тренировки стадион принадлежал ему одному. Он медленно шёл вдоль дорожек, проводил ладонью по шер-

шавой поверхности, несколько раз пробежал от одного конца до другого, пока тело постепенно не просыпалось. Ему нравилось это время, хотя он никогда не думал о том, почему. Здесь не нужно было ни с кем разговаривать, ничего объяснять и ни на что отвечать. Был только стадион, его собственное дыхание и ощущение, что всё находится на своих местах.

Тренер появлялся неожиданно. Только что мальчик был один, а через минуту со стороны раздевалки уже доносился его хриплый голос:

— Ну что, чемпионы, готовы?

Ребята начинали спорить, кто сегодня победит, кто-то смеялся, кто-то специально поддевал соперников. Мальчик почти не участвовал в этих разговорах. Он садился на скамейку, затягивал шнурки, причём первый узел всегда повторял дважды, хотя не помнил, когда именно приобрёл эту привычку.

Перед стартом на двести метров напряжение собиралось в теле быстро. Грудь становилась тесной, ладони влажнели, сердце начинало биться так сильно, что мальчику казалось, будто это слышат стоящие рядом. Несколько секунд до выстрела тянулись мучительно долго.

Потом раздавался хлопок.

И всё лишнее исчезало.

Оставалось только движение: вдох, удар ноги о дорожку, следующий вдох, ещё один шаг. Он уже не думал о соперниках и почти не чувствовал собственного тела. Оно само

знало, что делать. На финише его встречали чужие руки, голос тренера, хлопки ребят, но мальчик слышал это словно издалека. Ему было хорошо. Не столько от победы, сколько от того, что напряжение, ещё минуту назад сжимавшее его изнутри, вдруг отпустило.

Обычно это продолжалось недолго. Через несколько минут возвращался обычный шум, тренер звал ребят убирать инвентарь, кто-то начинал спорить о результатах. А по дороге домой мальчик снова чувствовал знакомую тяжесть под рёбрами, хотя не мог бы объяснить, откуда она взялась.

Через два дня он снова ждал тренировки. Уже не только ради забега. Он ждал того состояния, которое приходило после него.

Примерно в те же годы другая девочка обнаружила для себя похожую дорогу, только вела она на сцену, а не на стадион.

За день до школьного праздника девочка почти не думала ни о чём другом. Ей казалось, что она обязательно забудет текст, платье будет сидеть неправильно, голос сорвётся на первой же строчке. В музыкальном классе пахло лаком для волос, гуашью и духами учительницы, которая бегала между детьми, поправляя банты и воротники. Девочка стояла за кулисами и повторяла стихотворение, хотя знала его уже наизусть.

Когда её объявили, серебристый свет прожекторов ударил в глаза, и зал на несколько секунд превратился в тёмное про-

странство, заполненное силуэтами. Она вдохнула и начала говорить.

Первые строки дались тяжело. Потом дыхание выровнялось, и слова пошли сами. Она вдруг перестала думать о том, как выглядит, правильно ли держит руки и не дрожит ли голос. Внимание зала оказалось не таким страшным, каким представлялось ещё минуту назад. Люди просто смотрели на неё, слушали, и от этого напряжение постепенно уходило.

Когда выступление закончилось, раздались аплодисменты. Но девочка почти не слышала их. Главное произошло чуть раньше: в какой-то момент она почувствовала, как внутри становится тихо.

За кулисами дети снова шумели, переодевались, спорили, кто лучше выступил. Девочка отошла в сторону и несколько минут сидела одна, пока дыхание окончательно не успокоилось. Ей хотелось сохранить это состояние как можно дольше.

Утром дома мама спросила:

— Ну как праздник?

— Нормально, — ответила девочка.

На этом разговор закончился.

Она сама ещё не знала, что именно произошло с ней на сцене. В её возрасте для этого просто не существовало слов. Она не могла сказать, что страх отступил, что тело наконец расслабилось, что чужое внимание на несколько минут перестало ощущаться угрозой и стало чем-то почти поддержи-

вающим. Но тело это запомнило.

Мальчик и девочка никогда не встречались. Их семьи были разными, характеры тоже. Дома у мальчика не слишком любили разговоры о чувствах. Здесь уважали труд и выдержку: если обещал — сделай, если хочешь победить — работай, если трудно — терпи. У девочки, напротив, говорили много. Обсуждали фильмы, смеялись, спорили, обнимали, хвалили. Ей часто говорили, какая она умница и молодец, и эти слова звучали совершенно искренне.

Но в обоих случаях тело постепенно обнаруживало одну и ту же закономерность: напряжение можно выдержать, если знать, что после него наступит облегчение.

Мальчик всё чаще задерживался на стадионе после тренировки. Иногда помогал тренеру убирать барьеры, иногда просто сидел на верхней трибуне, пока остальные расходились. Однажды тренер заметил его там и сказал:

— Знаешь, что самое хорошее в тренировке?

Мальчик пожал плечами.

— То, что после неё голова перестаёт шуметь.

Он запомнил эту фразу.

Позже он уже не смог бы вспомнить, когда именно начал ждать не столько самого бега, сколько тишины после него.

Девочка тоже стала иногда возвращаться в актовый зал после концертов. Она садилась в первом ряду среди пустых кресел и слушала, как постепенно затихают последние звуки. Ей нравилось это состояние, хотя она не могла его назвать.

В нём было что-то противоположное тому беспокойству, которое появлялось перед выступлением. Получалось странно: сначала она сама шла навстречу тому, чего боялась, а потом получала несколько минут покоя, которые становились всё более желанными.

Прошло несколько лет.

Мальчик участвовал в районных, потом в городских соревнованиях. Менялись тренеры, стадионы, соперники. Девочка выступала на других сценах, учила новые тексты, привыкала к зрителям. Снаружи их жизнь менялась вполне обычно: школа, друзья, каникулы, первые ссоры, первые симпатии, экзамены. Но внутри постепенно закреплялась одна и та же связка.

Сначала появлялось напряжение. Потом действие, которое требовало полной собранности. После него наступало облегчение.

И чем чаще это повторялось, тем сильнее тело запоминало последовательность.

Однажды зимой мальчик помогал тренеру убирать инвентарь. Уже начинало темнеть, снег лежал вдоль дорожек, и стадион почти опустел. Тренер посмотрел на него и сказал:

— Самый честный в жизни — стадион. Выиграл — сам. Проиграл — тоже сам.

Мальчику понравились эти слова. В них было что-то простое и надёжное. Здесь не нужно было ждать помощи, не нужно было объяснять, что с тобой происходит. Ты выхо-

дишь на дорожку, делаешь всё, что можешь, и получаешь результат.

Он ещё не знал, что эта мысль однажды станет для него гораздо больше, чем просто словами тренера.

Девочка тем временем сидела дома, пока мама расчёсывала ей волосы перед сном. Руки матери двигались медленно и привычно, и на несколько минут девочка почувствовала ту же внутреннюю тишину, которая приходила после выступлений. Она закрыла глаза и расслабилась.

Это было совсем другое ощущение, но тело связало его с тем же состоянием покоя.

На следующий концерт она согласилась выйти почти сразу.

Так формируются вещи, которые потом кажутся чертами характера. Ребёнок не принимает решения: «Отныне я буду добиваться признания» или «Отныне я буду рассчитывать только на себя». Он просто повторяет то, что однажды помогло ему почувствовать себя лучше. Если способ работает, он возвращается к нему снова. А затем ещё раз. Через несколько лет уже трудно отличить собственное желание от привычного способа справляться с собой.

Взрослые учили их успеху, ответственности, старанию. Учителя хвалили мальчика за упорство, девочку — за уверенность. Никто не видел в этом ничего тревожного, потому что ничего тревожного и не происходило. Оба хорошо учились, занимались любимым делом, получали награды, заво-

дили друзей.

Только постепенно бег перестал быть для мальчика просто спортом, а сцена для девочки — просто местом выступления.

Они ещё не знали, что ищут.

Мальчик просто ждал следующей тренировки. Девочка — следующего выступления.

А тело уже знало дорогу.

Иногда мальчик возвращался домой после соревнований и шёл быстрее обычного, словно боялся потерять то лёгкое состояние, которое ещё оставалось после финиша. Девочка могла отказаться от прогулки с подругами, потому что ей казалось, что там ничего особенно интересного не произойдёт. Обычные развлечения постепенно проигрывали сравнению с тем, что она чувствовала на сцене.

Так детство проходило своим чередом, а внутри незаметно формировалась потребность не в самом действии, а в том состоянии, которое оно приносило.

Это и есть ложный источник.

Он почти никогда не выглядит чем-то опасным. Чаще всего он начинается с совершенно естественного опыта: человеку становится легче, спокойнее, яснее, свободнее. Тело запоминает, что именно привело его туда, и со временем начинает искать повторения. А потом человек уже не замечает, что пытается получить через успех, работу, соревнование, отношения или признание не то, что, как ему кажется, он хочет

получить.

Ему нужен тот короткий миг, когда внутри наконец становится тихо.

Только он не знает, что тишина эта никогда не была наградой за победу.

Она была возвращением к тому, что когда-то уже существовало в нём самом.

Именно поэтому ложный источник способен держать человека годами. Он действительно даёт то, что обещает. После напряжения становится легче. После признания на несколько часов появляется ощущение собственной ценности. После победы ненадолго затихает внутренний шум. Проблема начинается позже, когда человек перестаёт различать причину и следствие и начинает верить, что облегчение рождается из самой победы.

Так постепенно формируется жизнь, в которой нужно всё время бежать, выступать, достигать, доказывать, быть нужным, сильным, первым.

А что будет, если однажды остановиться, человек уже не знает.

Она сидела дома поздним вечером, закрыв папку с записями, и впервые за долгое время почувствовала знакомое стягивание под рёбрами. Она знала это ощущение. Оно появлялось перед сложным решением, когда привычного объяснения уже недостаточно.

На столе лежали те самые листы, которые она принесла с

работы.

Она снова подумала о мальчике, о девочке, о взгляде, который сначала научился возвращаться к себе, а потом отвернулся от того, что могло причинить боль. В памяти всплыл Игорь с его спокойным: «Я привык рассчитывать только на себя».

Что именно связывает эти вещи, она пока не понимала.

Но впервые ей стало ясно другое: искать ответ только в том, что происходит с человеком сейчас, недостаточно. Некоторые правила формируются настолько рано, что к взрослому возрасту начинают восприниматься как собственная природа, а не как правила.

Она посмотрела на часы.

Завтра снова будет приём.

И, возможно, завтра она наконец задаст вопрос, который до сих пор обходила стороной.

Глава 4. Броня

Когда Источник перестал быть узнаваемым, мир не изменился. Всё продолжало происходить так же, как прежде: рождались новые формы, созревали плоды, свет ложился на воду, а вода принимала его без сопротивления. Если бы кто-нибудь мог посмотреть на происходящее со стороны, он не заметил бы никакой утраты. Изменилось только то, кто смотрел. Тот, кто однажды перестал помнить, откуда происходит сама возможность быть, уже не мог воспринимать мир прежним взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.